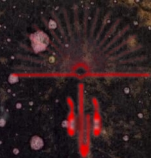

R 25360
1

BRITISH
LIBRARY

120
17

БАТУРСКОЕ ПУБЛИКАЦИОННОЕ

№ в катал.	.....
Отдел	.....
№ в списке	6399

БИБЛИОТЕКА

ИЗДАНИЕ

83-2

В 30

~~В 30 1/2~~

~~5379~~

~~2411~~

ЦЕНЗУРА.

Пьеса въ трехъ сценахъ

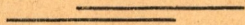
Франка Ведекинда,

переводъ З. М. Мейеровича.

№ 6022
V
072

Р 25360
1 X
+
00-44

Издание журнала „Русскій Артистъ“.

1907

МОСКВА.

Т-ВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА.

Леонтьевскій пер., д. № 5.

1908.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Докторъ Кайетанъ Прантль, секретарь духовника
Его Величества.

Вальтеръ Буриданъ, литераторъ.

Каидья, его любовница.

Горничная.

Кабинетъ Вальтера Буридана. Письменный столъ, полка для книгъ, диванъ, глубокое кресло, зеркало высокое, ширма, толстый коверъ, шкура бѣлаго медвѣдя, музыкальные инструменты. Направо — дверь. Напротивъ — очень широкая дверь на балконъ, который виденъ. Вечеръ. Лампы горять. Виднѣтся безоблачное, звѣздное небо.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Каидьи не видно. Вальтеръ Буриданъ сидитъ за письменнымъ столомъ.

Буриданъ. Что ты такъ долго дѣлаешь на балконѣ? — Каидья, что же ты не отвѣчаешь? (*онъ встаетъ*). Она же вышла на балконъ! (*зоветъ*). Каидья! (*бѣжитъ на балконъ*). Слава Богу! (*входитъ съ ней въ комнату*). Каидья, какъ ты можешь такъ ужасно пугать меня?

Каидья. Мнѣ страшно хотѣлось знать, какъ отзовется на тебѣ мысль, что меня нѣтъ.

Буриданъ. Да, да. — Какъ мнѣ не удастся, при всей моей любви, сдѣлать тебя счастливой!

Каидья. Да, да. Я недовольное, неблагодарное существо. Что же дѣлать?

Буриданъ. Я тебѣ предложу кое-что, Каидья, и попрошу тебя хорошенько объ этомъ подумать. Мы уже живемъ съ тобой неразлучно восемнадцать мѣсяцевъ. За все это время мы другъ друга не оставляли и на пять дней. Я чувствую, что я уже не тотъ человекъ, которымъ былъ прежде. Я часто разстроены, потому что у меня нѣтъ напряженія. А найти это напряженіе я могу только въ себѣ самомъ.

Каидья. Другими словами: ты хочешь разстаться со мной?

Буриданъ. Только на двѣ недѣли...

Каидья. Ну, тогда мы можемъ распрощаться и навсегда.

Буриданъ. Ты меня не любишь!

Каидья. А ты меня? Съ дѣтства я была радостью для всѣхъ окружающихъ. Для тебя я уже давно не радость, несмотря на то, что дѣлаю рѣшительно все, чтобы тебя обрадовать, угодить тебѣ. И въ этомъ моя ошибка. Уступая во всемъ, потерявъ свое «я», я совершенно измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ ты меня взялъ къ себѣ. Моя своеобразность ежедневно уменьшается. И съ каждымъ днемъ слабѣють и теряются тѣ средства, которыми я еще могла вліять на тебя.

Буриданъ (*въ креслѣ*). Я не думаю, что чары твои померкли за время нашей совмѣстной жизни. Но ты не даешь мнѣ возможности снова найти въ себѣ способность наслаждаться.

Каидья. Но я не привыкла къ одиночеству. Дома насъ, дѣтей, было восемь человекъ. И мы никогда, ни на секунду не оставались одни. Когда я въ послѣдствіи пошла на сцену, меня постоянно окружалъ цѣлый сонмъ товарищей, режиссеровъ, сценическихъ дѣятелей, драматурговъ. И въ каждомъ городѣ все новыя, и новыя лица. Мнѣ дѣйствительно, часто говорили, будто я поступила на сцену не ради искусства, а только ради развлечения.

Буриданъ. Не думаешь ли ты, что я пишу свои пьесы ради чего-нибудь другого? Нѣтъ, только ради развлечения, которое мнѣ доставляетъ самый процессъ писанія. Часто я себя спрашиваю, пью ли я такъ много, чтобы быть въ состояніи писать или же я пишу, чтобы имѣть возможность такъ много пить. — Но все это не дѣлаетъ тебя счастливой.

Каидья. Когда ты третьяго дня вечеромъ ушелъ, я приказала прислугѣ принести съ чердака корзины съ моими костюмами. Я вынула всѣ костюмы и показывала ихъ дѣвушкамъ. Вся комната, письменный столъ, диванъ, кресло, все было завалено моими костюмами. Тогда я стала одѣвать одно платье за другимъ, ходила по ковру, смотрѣлась въ зеркало (*подходитъ къ зеркалу*). Дѣвушки пожалуй думали, что я сонла съ ума.

Буриданъ (*встаетъ*). Бѣдная Каидья! (*цѣлуетъ*

ее). Ты такъ унижаешься, чтобы только перенести жизнь со мной!

Кади́дья. Я бы охотно унижалась, если бы только замѣтила, что могу быть тебѣ полезной! Но чѣмъ больше я подчиняюсь твоимъ желаніямъ, тѣмъ я меньше значу для тебя! Иногда ты не замѣчаешь меня, когда я стою рядомъ съ тобой!

Буриданъ (*съ испугомъ*). Кади́дья!

Кади́дья. Ты этого, разумѣется, не замѣчаешь. Въ началѣ зимы ты еще иногда заставлялъ меня заучивать твои пѣсни. Ты забылъ? Съ хлыстомъ въ рукахъ ты тогда училъ меня. Ты хотѣлъ, чтобы я, выходя на сцену, побѣждала бы слушателей своей страстностью. Вотъ тамъ, къ полкѣ, прибита записка. Туда ты записывалъ пѣсни, которыя я уже научилась пѣть. И теперь, въ теченіе почти шести мѣсяцевъ, ты даже не взглянулъ на эту записку. Зима прошла, и пѣніе твоихъ пѣсень теперь только событіе въ моемъ прошломъ. Хлыстомъ же нашъ дворникъ выколачиваетъ пыль изъ ковра.

Буриданъ (*снимаетъ лютню со стѣны*). Не споешь ли ты мнѣ одну изъ пѣсень?

Кади́дья. Если я еще сумѣю!

Буриданъ (*держитъ записку съ названіями пѣсень и читаетъ*). Здѣсь: „Слѣпой мальчикъ“, „Вечерняя пѣсня Франциски“, „Ильзэ“, „Вѣтреница“, „Галатея“, „Confession“, „Глухой страхъ“.

Кади́дья (*повторяетъ одно изъ перечисленныхъ названій, напр., „Вѣтреница“ и готовится пѣть*).

Буриданъ (*сѣлъ на ручку кресла, скрестивъ*

ноги). Но у меня нѣтъ хлыста. Можетъ ты и безъ него найдешь необходимую страстность?

Кадидья. Я попробую.

Буриданъ (*ударяетъ по струнамъ*). Вотъ мотивъ.—Гошъ!

Кадидья (*поетъ слѣдующее*):

Ты на крышѣ, гдѣ-то высоко,
Высоко сидишь; отъ тебя недалеко
Нахожусь и я. Но на высотѣ такой
Остынетъ даже и любовный зной!

Пусто въ сердцѣ твоёмъ;

Я—въ стремленіи слѣпомъ.

О вертись туда, сюда,

Вѣтреница чудная моя!

Мило вѣтеръ свистить,

Въ уши нѣжно жужжить;

И для насъ еще пока

Есть небесныя блага!

Думаешь, что я влюбленъ

Оттого, что я увѣщаю?

О, вертись туда, сюда,

Вѣтреница чудная, живая!

Покружимся же съ тобою

Весело и беззаботно!

А ужъ раннею зимою

Первый вѣтеръ безъ пощады

Внизъ сорветъ тебя!

Если бы тогда исчезло все, что знаю я!

О, вертись туда, сюда,

Вѣтреница чудная моя!

Кадидья (*бросается въ объятія Буридана и у него на груди прячетъ свое лицо*). Я это ужасно плохо спѣла!

Буриданъ (*цѣлуя ее*). Ты сегодня пѣла съ болѣшимъ выраженіемъ, чѣмъ когда-либо!—О дай мнѣ немного времени, необходимое мнѣ для успокоенія, и я снова смогу наслаждаться этими мгновеніями!

Кади дья (*волнуясь*). Кто же поручится мнѣ, что ты займешься приведеніемъ въ порядокъ своихъ мыслей, въ то время, когда ты цѣлыми днями и вечерами будешь вдали отъ меня и только рано утромъ возвращаться домой, не оставляя для меня ничего, кромѣ неудовольствія и безучастности! (*ходитъ взадъ и впередъ*). Каждый вечеръ, въ теченіе двухъ часовъ, я вѣрю, что ты занимаешься умственной работой. Я вѣрю и третій часъ. А потомъ я спрашиваю себя, кто же я, наконецъ! Сотни и сотни женщинъ развлекали тебя тѣмъ, что говорили тебѣ о своихъ любовныхъ приключеніяхъ. Неужели я такъ жалка, что не смогу ничего рассказать тебѣ, когда и я что-нибудь переживу? Я, связанная, должна бороться со всѣми этими женщинами, которыя свободно двигаются. И я не могу распутать этотъ проклятый узелъ вопросовъ, который душитъ меня, когда я бываю одна. Кого же это удивить, что я не въ состояніи развлечь саму себя?

Буриданъ. Ты меня ревнуешь къ прошлому. Ты не можешь мнѣ простить, что я, до встрѣчи съ тобой, пережилъ больше тебя!

Кади дья. Напротивъ! Я настолько же цѣню твои приключенія, насколько свою молодость и себя. Я давно влюблена въ твое прошлое, съ тѣхъ поръ, какъ впервые встрѣтила тебя. То немногое, что пережито мной—ты, знаешь, и мнѣ никогда не вздумается жалѣть о томъ,

что это было такъ немного. Но поэтому ты и долженъ цѣнить мое *настоящее!* И я надѣялась, я была увѣрена, что моя настоящая жизнь уравнивается твою прошлое. А наша совмѣстная жизнь,—это горькая на-смѣшка надъ моими мечтами! Дома я могу только тогда заслужить твою одобреніе, когда показываю видъ, что меня совсѣмъ нѣтъ. Если же мы вдвоемъ куда-нибудь выходимъ, я чувствую, что стѣсняю тебя. Понравлюсь я кому-нибудь и онъ посмотритъ на меня, съ твоихъ устъ уже срывается проклятіе. Ему это непріятно, мнѣ это непріятно, и тебѣ это тоже непріятно.—Развѣ я для этого создана Богомъ?

Буриданъ. Когда мы съ тобой, дорогая моя, познакомились, ты, какъ божокъ, была увѣрена въ своей побѣдѣ! Ты не предусматривала въ нашей жизни ни малѣйшаго затрудненія, въ то время, какъ меня серьезно разстраивала боязнь, что самое большое счастье можетъ превратиться въ ужасное несчастье. Мысль, что даже при величайшей любви съ трудомъ добиваешься общаго счастья, тебя теперь обезкураживаетъ. Я же твержу себѣ каждый Божій день, что представлялъ себѣ это въ тысячу, тысячу разъ труднѣе.

Кадидья. И ты былъ правъ! Я боязливо устранию малѣйшее препятствіе, которое могло бы тебя разстроить. Каблуки моихъ ботинокъ обиты резиной, чтобы ты не слышалъ въ квартирѣ моихъ шаговъ. Быть можетъ я плохая хозяйка? Или я тебѣ слишкомъ дорого обхожусь?—Когда я вижу въ витринѣ какого-нибудь ювелира брилліанты, которые я бы хотѣла имѣть,

но на которые не стоит тратить деньги, я ежедневно иду туда, люблюсь драгоценностями, смотрю на них, пока они мнѣ не опротивѣютъ И деньги остаются у меня въ карманѣ.

Буриданъ (*въ креслѣ*). То же самое бываетъ у меня съ эскизами.

Кадидья. Что ты этимъ хочешь сказать?

Буриданъ. Когда я замышляю какую-нибудь художественную тему, которую я охотно, съ любовью разработалъ бы, но у меня какъ разъ мало времени—я ежедневно, ежечасно рассматриваю эту тему со всѣхъ сторонъ, рассматриваю до тѣхъ поръ, пока я ее не начну ненавидѣть. И тогда я выигралъ время, необходимое для разработки этой темы!

Кадидья (*садится къ нему на колѣни, цѣлуетъ его и говоритъ шутливо*). Ты бы бросилъ на десятокъ лѣтъ свою литературу? Ты до нашего знакомства написалъ столько, что пожалуй, лѣтъ на десять хватитъ. Кромѣ того, тебя занимаетъ сцена. Ты выступаешь вмѣстѣ со мной. У тебя твоя музыка, твои пѣсни, которыми ты учишь меня съ хлыстомъ въ рукахъ. У тебя, наконецъ, дѣтскія игрушки? которыя ты изобрѣлъ, я про нихъ и забыла! Нѣмецкій дискъ, велосипедныя качели, дѣтскій проволочный канатъ, ходячій барабанъ. Ты ищешь умственную работу? Не можешь ли ты изобрѣсти опять игрушку? На это ты, во-первыхъ, тратишь меньше времени, а затѣмъ это намъ обоимъ доставляетъ куда больше удовольствія, чѣмъ твои литературныя занятія!— Хочешь, я попробую пройтись на барабанѣ? (*она вытаскиваетъ стоящій за ширмой*

барабанъ). Я уже хожу довольно хорошо, не держась! Показать тебѣ?

Буриданъ (не отвѣчаетъ).

Кадидья (ставитъ барабанъ на мѣсто). Тебя это уже не занимаетъ.

Буриданъ. У тебя нѣтъ публики!

Кадидья. У меня нѣтъ публики. Да, къ сожалѣнію! И ты говоришь это голосомъ, полнымъ упрека?— Развѣ я безъ зрителей, которые мною любятъ, что-нибудь для тебя значу? Что для тебя любовница, которою не любятъ другіе мужчины? Развѣ я вещь, которую выставляютъ? И если даже весь театръ видитъ меня въ моихъ костюмахъ, я все-таки спокойна при мысли, что нѣтъ, слава Богу, ни одного мужчины, который бы глядѣлъ на меня такимъ взглядомъ, который ты бы принялъ за личное оскорбленіе...

Буриданъ (встаетъ). Дорогая Кадидья, въ нашу жизнь мы должны вложить побольше довѣрія, побольше аристократизма! Если же мы будемъ бояться потерять другъ друга — счастье невозможно! Мы должны имѣть возможность другъ другу довѣрять. Намъ необходима та моральная связь, которая сковываетъ насъ, даже если бы мы въ теченіе четырнадцати дней не жили вмѣстѣ.

Кадидья. Да ты вдоволь занимаешься умственной работой.—Я это нахожу справедливымъ послѣ той дикой жизни, которую ты до сихъ поръ велъ. Но неужели изъ этого слѣдуетъ, что и я должна заниматься философией и тому подобнымъ? Я бы этого не стала дѣлать по той простой причинѣ, что оно мнѣ не идетъ. А выиграешь ли ты что-нибудь, если я стану притво-

ряться будто интересуюсь тѣмъ, что мнѣ въ сущности
вполнѣ безразлично? Ты тогда потеряешь лучшее, что
знаешь во мнѣ—мою откровенность, мою непринужден-
ность. Кромѣ того, если бы я тебя одинъ разъ обма-
нула, будешь ли ты увѣренъ, что это не повторится
въ болѣе серьезныя минуты?

Буриданъ. При каждомъ подъемѣ духа, насъ
тотчасъ же срываютъ въ трезвую дѣйствительность!

Кадидя (*въ ея глазахъ слезы*). Ты несправед-
ливъ! Ты такъ же хорошо знаешь, что я тебѣ, какъ
я знаю, что не въ состоянii понять философскія раз-
сужденiя. Во время твоихъ странствованiй по всему
свѣту ты потерялъ всякое пониманiе естественности,
непринужденности. Неужели же я — „трезвая дѣйстви-
тельность“ лишь потому, что ты ее во мнѣ снова на-
шелъ? — Нѣтъ, я слишкомъ горжусь собой! Слишкомъ
много радости я себѣ сама доставляю!—Напротивъ,
еслибы я, какъ сотни другихъ женщинъ, не имѣя поня-
тiя объ искусствѣ, о литературѣ, стала бы на эту
тему разглагольствовать, да, тогда я могла бы быть
для тебя будничной дѣйствительностью. Но я этого
никогда не сдѣлаю. Скорѣе я бы могла торговать
своимъ тѣломъ, чѣмъ такъ унижить тѣ чудные дары,
которыми меня осыпало небо.

Буриданъ. Кадидя! Клянусь тебѣ, я думаю, что
ты это въ состоянii сдѣлать!

Кадидя. Что же, ты находишь, что это такъ
ужасно? Тогда ты долженъ былъ бы понять, что
я значу. (*Подходитъ къ нему*). Я не перемѣнила бы
чудный жемчугъ, который я нашу на этой рукѣ, (*цѣ-*

луетъ свою руку) на этой прелестной рукѣ, не перемѣнила бы на поддѣльный брилліантъ, лишь потому, что жемчугъ мнѣ надоѣлъ.

Буриданъ (*отступая*). Мнѣ ни на мгновение не удается найти самого себя! Съ тѣхъ поръ, какъ ты мнѣ доказала, что ты воплощеніе безграничныхъ возможностей, я при каждомъ дыханіи, вѣчно испытываю страхъ, боязнь лишиться тебя!

Кадидья. А ты еще жалуешься, что у тебя нѣтъ духовнаго напряженія!

Буриданъ. Покорно благодарю за такое напряженіе! Не боролся же я за свою личную свободу въ теченіе двадцати лѣтъ, чтобы въ концѣ-концовъ заволокнуть свое существованіе ужасомъ и страхомъ!

Кадидья. Если ты боишься такихъ естественныхъ явленій, то ты самъ принадлежишь къ трусливой толпѣ, слѣпой страхъ которой вызываетъ у тебя ѣдкую насмѣшку.

Буриданъ. Я не въ состояніи говорить объ этомъ. Я смертельно усталъ. Дай мнѣ четырнадцать дней времени и я снова безстрашно взгляну въ глаза дѣйствительности!

Кадидья. Я когда-то очень просила меня испытать!

Буриданъ (*на диванъ*). Я тогда не распечаталъ твоего письма. Или не дочиталъ его.

Кадидья (*возбуждаясь только по существу разсказа*). Но, когда ты въ тотъ же вечеръ читалъ сатирическое стихотвореніе о „Вѣтреницѣ“ своимъ друзьямъ, я разумѣется думала, что это и есть испытаніе. Я боялась одного: что твоя насмѣшка лишитъ меня муже-

ства выдержать испытаніе, тѣмъ болѣе, что само стихотвореніе мнѣ очень нравилось. Но когда я осталась одна, въ моей головѣ закружился дикій, необузданный ураганъ мыслей. Я не была въ состояніи думать, видѣть. Одна за другой мысли, словно молніи озаряли меня. Одна за другой онѣ мелькали и потухали такъ быстро, что я ихъ не могла уловить, не могла сосредоточиться. — Черезъ часъ ты вернулся. Во мнѣ кишѣла безудержная злоба. Я себѣ не могла простить, что ты съумѣлъ сдѣлать изъ меня такое жалкое существо. Я такъ впиалась зубами въ твою щеку, что ты застоялъ. Если бы я въ ту минуту обладала силой, я могла бы перегрызть тебѣ горло. Но когда ты, не говоря ни слова взялъ съ камина и съ письменнаго стола мои карточки и рвалъ ихъ одну за другой въ мелкіе кусочки и эти клочки топталъ ногами, — меня охватило чувство, котораго я до тѣхъ поръ не знала. Объ испытаніи, которое должно было доказать тебѣ мою любовь я уже не помнила и неслась внизъ съ третьяго этажа. *(улыбаясь)* Что заставило меня черезъ перила броситься внизъ? Это было только ощущеніе, что все то, что я съ самого дѣйства больше всего любила, — лежало въ клочкахъ подъ твоими ногами!

Буриданъ *(удивленъ)*. Значитъ ты изъ за этого бросилась въ воду?

Кади дѣя. Я не утверждаю, что сдѣлала это сама. Меня гнала въ воду моя трезвая дѣйствительность!

Буриданъ. Защищаясь отъ твоихъ смертельныхъ нападокъ я, не желая броситься на тебя, совершенно нечаянно сталъ рвать твои карточки. Лишь желаніе

выхватить тебя изъ этого безумнаго состоянія и вернуть тебѣ спокойствіе заставило меня прибѣгнуть къ такому безвредному вполнѣ средству, какъ уничтоженіе портретовъ.

Кади дья. Ты меня напрасно увѣряешь въ своей любви! Я хорошо знаю, что никто на свѣтѣ не цѣнитъ меня, какъ ты. Поэтому для меня и не существуетъ выбора между кѣмъ-либо и тобой. Есть только одинъ выборъ для меня: ты или свободная, веселая, ни чѣмъ неограниченная жизнь!

Буриданъ (*встаетъ*). Кади дья, отпусти меня на двѣ недѣли. Только двѣ недѣли, двѣ недѣли дай мнѣ, въ которыя мнѣ бы не пришлось трепетать при мысли, что я могу тебя потерять! Тогда ко мнѣ вернется снова въ изобиліи утерянная способность наслаждаться!

Кади дья. Я вѣрю, что ты этого хочешь, что ты томишься. Но я знаю, что если ты проживешь двѣ недѣли безъ меня, — я тебя потеряю! Я не преувеличиваю силу своего притяженія.

Буриданъ. Кади дья! Въ моемъ умѣ грандіозныя мысли! Я никогда не хвастаюсь проектами или планами. Но теперь я это дѣлаю ради того, чтобы ты ихъ пожалѣла. Еще до моего знакомства съ тобою, я работалъ надъ однимъ произведеніемъ, которое должно было выяснитъ наконецъ, всѣ тѣ противорѣчія, среди которыхъ я кружусь съ ранняго дѣтства. Я уже давно не соглашаюсь съ тѣмъ, что почитаніе вѣчныхъ законовъ природы и преклоненіе передъ чудными красками, красивыми тѣлами, передъ всѣмъ великолѣпнѣмъ творчества находятся въ постоянной враждѣ между

собою. Прежде это было иначе, въ то время, когда боготвореніе ума и почитаніе физической красоты встрѣчались въ одномъ храмѣ. Почему же это теперь невозможно? Весь споръ возникаетъ оттого, что мы настолько же не признаемъ величественную красоту нравственной силы духа, насколько мы не хотимъ понять непоколебимую силу физической красоты. Для насъ умъ—строгій тюремщикъ, а міръ видѣній—пустой паяцъ! Радость, которую намъ доставляетъ нравственная сила духа и благоговѣніе передъ міромъ видѣній, передъ красотой физической, это два начала, примирить которыя я хочу передъ смертью... (*стучатъ*). Войдите! (*горничная приноситъ картонку, которую ставитъ на диванъ*).

Горничная. Господинъ портной Мюкъ кланяется баринѣ. Онъ прислалъ костюмъ—фантази.

Буриданъ (*Кадидь*). Что это за костюмъ?

Кадидья. Это для свадебнаго балета въ третьемъ дѣйствіи.

Буриданъ. Да вѣдь завтра спектакль! Господинъ Мюкъ прислалъ счетъ?

Горничная. Господинъ Мюкъ велѣлъ передать, что баринъ съ нимъ рассчитается послѣ.

Буриданъ (*даетъ деньги*). Дайте это разсылному.

Горничная. Слушаю. (*уходитъ*).

Буриданъ. На твоёмъ мѣстѣ я бы еще сегодня примѣрилъ костюмъ.

Кадидья. Кто знаетъ, надѣну ли я его?

Буриданъ. Во всякомъ случаѣ ты тогда будешь знать, сидитъ ли онъ хорошо.

Каидья. Хорошо, я пойду его одѣть (*береть картонъ, обнимаетъ Буридана и цѣлуетъ его*). Не сердись, что я такъ измучила тебя.

Буриданъ. Я жду тебя съ нетерпѣніемъ (*Каидья уходитъ. Буриданъ садится за письменный столъ. Онъ открываетъ рукопись и пишетъ*).

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Горничная подаетъ визитную карточку на серебряномъ подноскѣ.

Горничная. Этотъ господинъ спрашиваетъ, приметъ ли его баринъ?

Буриданъ (*читаетъ*). Докторъ Кайетанъ Прантль. Просите (*онъ выходитъ вслѣдъ за горничной и возвращается съ д-ромъ Прантлемъ*). Чему я обязанъ такой чести, какъ посѣщеніе Вашего Преосвященства?

Д-ръ Прантль (*молодой человекъ съ безупречными манерами*). Простите, но я очевидно слишкомъ быстро поднимался.

Буриданъ. Я дѣйствительно живу очень высоко. Но днемъ зато изъ комнаты прекрасный видъ. Присядьте пожалуйста.

Д-ръ Прантль (*сидясь*). Вы сегодня послѣ обѣда удостоили меня своимъ посѣщеніемъ (*задыхаясь*). Простите, у меня сердце не совсѣмъ въ порядкѣ.

Буриданъ. Прошу васъ, у насъ достаточно времени! (*садится на диванъ*).

Д-ръ Прантль. На своей карточкѣ вы написали,

что желаете говорить со мной объ одномъ очень серьезномъ, спѣшномъ дѣлѣ. Я счелъ своимъ *долгомъ* придти къ вамъ.

Буриданъ. Ваше Преосвященство знаетъ, что это за дѣло.

Д-ръ Прантль. Я знаю *два* дѣла, которыя вы мнѣ довѣрили. Первое—ваше желаніе вступить въ церковный бракъ съ вашей сожительницей, которая, насколько я знаю, и ваша партнерша по сценѣ. И я пришелъ къ вамъ, предполагая, что это то дѣло, для котораго я вамъ сегодня понадобился.

Буриданъ. Само-собою разумѣется, что рѣчь главнымъ образомъ идетъ о моемъ вѣнчаніи. Но вы разрѣшите мнѣ признаться вамъ, что и другое дѣло меня интересовало, когда я сегодня желалъ съ вами говорить.

Д-ръ Прантль. Ради того дѣла я, понятно, никогда бы не пришелъ сюда!

Буриданъ. Это понятно!

Д-ръ Прантль. Въ письмѣ вашемъ отъ 29-го минувшаго мѣсяца вы спрашиваете у насъ, какія причины побудили Его Сіятельство фонъ-Споркъ протестовать противъ постановки вашей трагедіи „Пандора“. Въ отвѣтъ на ваше предыдущее прошеніе мы уже сообщили вамъ, что Его Сіятельству, какъ духовнику Его Величества, *было необходимо* протестовать противъ постановки этой трагедіи и что протестъ Его Сіятельства ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть взятъ обратно. Излагать же вамъ *письменно* причины, побудившія насъ протестовать, въ этомъ мы не усматриваемъ ни малѣйшей необходимости.

Буриданъ. Меня глубоко огорчаетъ, господинъ докторъ, что вашъ сегодняшній тонъ такъ ужасно отличается отъ той любезной сердечности, съ которой вы меня встрѣтили у себя въ первый разъ.

Д-ръ Прантль. Это объясняется очень просто тѣмъ, что ваше желаніе вступить въ церковный бракъ тогда возбудило во мнѣ больше участія, чѣмъ ваши литературныя пререканія. Кромѣ того, я тогда еще не былъ знакомъ съ содержаніемъ „Пандоры“.

Буриданъ. Во всемъ, что мною до сихъ поръ опубликовано, въ дѣйствительности нѣтъ ни едннаго слова, дающаго вамъ поводъ сердиться.

Д-ръ Прантль. За это время я прочелъ всѣ ваши произведенія. Дѣло совсѣмъ не въ томъ какое впечатлѣніе на насъ производятъ ваши убѣжденія. Рѣчь идетъ о впечатлѣніи, которое вынесетъ ничего не подозрѣвающій, простодушный зритель, который приходитъ въ театръ, чтобы развлечься и который затѣмъ возвращается домой не подозрѣвая, что въ немъ поколеблено чувство нравственности.

Буриданъ. Вы, значитъ, настаиваете на томъ, чтобы та доля нравственнаго и моральнаго чувства, которую зритель почерпаетъ въ представленіи, преподносилась ему въ формѣ тяжеловѣсныхъ правоученій?

Д-ръ Прантль. Въ сомнительныхъ случаяхъ мы на этомъ настаиваемъ!

Буриданъ. Но это недостойно художника!

Д-ръ Прантль (*просто*). Мы покровительствуемъ не художнику, а человѣчеству!

Буриданъ. Но неужели церковь можетъ бороться

съ искусствомъ, какъ съ врагомъ? Та церковь, которая соединяетъ въ себѣ все виды искусства—музыку, живопись, пластику, поэзію, драму,—я говорю о мистеріяхъ среднихъ вѣковъ, о латинскихъ спектакляхъ іезуитовъ?

Д-ръ Прантль. Когда искусство покушается на счастье человѣчества, это—нашъ долгъ.

Буриданъ (*вставая*). Въ Сѣверной Германіи, гдѣ шла моя „Пандора“, я не знаю ни одной души, которой бы она причиняла вредъ. Вы должно быть не знаете какъ въ свое время одинъ изъ цензоровъ Сѣверной Германіи посмотрѣлъ на возможность этого представленія? Послѣ короткой аудіенціи, которую онъ мнѣ благосклонно далъ, цензоръ пришелъ къ тому убѣжденію, что въ моей трагедіи нѣтъ ни единого слова насмѣшки, которое не превращалось бы въ глубоко прочувствованную, правдоподобную серьезность благодаря тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ оно произносится. Послѣ этого онъ уже не думалъ о томъ, что его рѣшеніе можетъ быть не такъ понято необразованной уличной толпой. Съ видимой гордостью на предоставленное ему право рѣшать, онъ сказалъ мнѣ: „Ваша пьеса дѣйствительно не будетъ такъ просто понята. Но я поэтому и хочу, чтобы она возможно скорѣе предстала передъ общественнымъ судомъ; мы, нѣмцы, никогда не боялись чистаго разума.“

Д-ръ Прантль. Въ Пруссіи заняты нашими свѣтскими порядками. Мы же имѣемъ дѣло съ душевнымъ спокойствіемъ человѣка. Мы не можемъ идти навстрѣчу вашимъ требованіямъ, ибо ваши поступки лишены

откровенности. У васъ нѣтъ ясности, душевной чистоты, нѣтъ *anima candida*. Нѣтъ у васъ вѣнчальнаго платья, которое требуется даже нищему, если онъ не хочетъ быть всѣми отвергнутъ.

Буриданъ. Въ этомъ оживаетъ ужасное проклятіе, тяготѣвшее уже надъ моею колыбелью! То, что приносится мной съ глубокой серьезностью моихъ убѣжденій, люди принимаютъ за богохульство, за клевету. Неужели же мнѣ нужно идти противъ своихъ убѣжденій, съ яснымъ сознаниемъ стать фальшивымъ, неоткровеннымъ, сдѣлаться лжецомъ, только для того, чтобы люди вѣрили въ мою откровенность? Но для этого мнѣ сперва необходимо сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ люди меня теперь считаютъ — клеветникомъ!

Др. Прантль. (*встаетъ и говоритъ твердо*) Я прихожу сюда, чтобы будить въ васъ доброе, а не злое чувство. Успокойтесь же!

Буриданъ. А что приносить вся эта любовь къ добруму, если доброе совсѣмъ не желаетъ этой любви? Я никогда не горевалъ, когда общее недоразумѣніе меня толкало въ самое омерзительное, бессмысленное положеніе, напротивъ, я всегда пользовался имъ для выясненія вѣчныхъ законовъ, на которые оно указываетъ. И всѣ снова меня называли насмѣшникомъ!

Др. Прантль (*возбужденно*). Этимъ вы обязаны только лицемѣрности вашего призванія. Кто же можетъ вѣрить человѣку, который за входную плату раскрываетъ всему міру то, съ чѣмъ ему слѣдовало бороться у себя дома? Состоя цензоромъ, я ежедневно вижу, какое роковое понятіе у писателя о своемъ призваніи.

Къ чему вы снова выставляете на сцену то, чему на сценѣ нѣтъ мѣста? Слѣдуйте своему призванію! Вашъ трудъ— это модный товаръ! Ваше дѣло— азартная игра!

Буриданъ (*спокойнѣ*). Назовите мнѣ хоть что-нибудь въ моихъ произведеніяхъ, что бы въ концѣ концовъ не имѣло цѣлью художественно оформить, прославить вѣчную законность, предъ которой мы все падаемъ ницъ? Можете ли вы это?

Др. Прантль. Что вы называете вѣчной законностью?

Буриданъ. То же, что евангелистъ Іоаннъ называлъ логосомъ,— тотъ Святой Духъ, которому поклоняется все христіанство. Ни въ одномъ изъ своихъ произведеній я не называлъ добра зломъ, зла добрымъ. Я никогда не извращалъ послѣдствій, къ которымъ ведутъ человѣка его поступки. Всегда и всюду я откровенно указывалъ на эти послѣдствія, какъ на безпощадную необходимость.

Др. Прантль. Дайте мнѣ подумать о вашихъ произведеніяхъ. Я во всякомъ случаѣ во время чтенія вашихъ пьесъ не предполагалъ, что имѣю дѣло съ писателемъ, который такъ серьезно смотритъ на жизнь.

Буриданъ (*легко*). Но что же даетъ намъ жизнь, если не смотрѣть на нее серьезно?! Игрокъ, который не смотритъ серьезно на игру, невольно проигрываетъ! Я хотѣлъ бы такъ же серьезно смотрѣть на жизнь, какъ одинъ знакомый на игру въ кегели. Мы оба, мой знакомый и я, не хотѣли бы обманомъ лишиться себя величайшаго удовольствія. Разъ мы не считаемся съ законами игры, исчезаетъ всякое удовольствіе.

Недоразумѣнія, ругательства, драки, необузданное суевѣріе и глухое отчаяніе—вотъ плоды, которые въ результатѣ портятъ жизнь, доводятъ до мысли, что жить не стоитъ.

Др. Прантль. Быть можетъ я слишкомъ серьезно говорилъ съ вами?

Буриданъ. Ваше Преосвященство! Не оставьте нашего сегодняшняго разговора безъ послѣдствій. За-молвите передъ Его Сіятельствомъ доброе слово за постановку моей „Пандоры“! До сихъ поръ на свѣтѣ ни одно новое искусство не противорѣчило тѣмъ нача-ламъ, которыя вы проповѣдуете. Ни одна правда, какъ бы неожиданно она не явилась, какъ бы удивительно она не звучала, не въ состояніи противорѣчить этому духу. Божественность религіи и заключается въ томъ, что она на недосыгаемой высотѣ стоитъ надъ всѣми стремленіями человѣческаго ума! Ея божественность, разу-мѣется, не только въ этомъ. Мнѣ не нужно пояснять! Религія, главнымъ образомъ,—спасающая утѣшитель-ница въ несчастіи. Никто не испытывалъ этого такъ ясно, какъ я! Религія учитъ разбираться въ каж-домъ, постигающемъ насъ несчастіи. Религія заковала въ цѣпи единственнаго, могучаго врага человѣка—слу-чайность. Религія выдѣлываетъ блестящее salto mortale надъ нашей плачевной безпомощностью, которая бы овладѣла нами безъ нея. Кто распозналъ божествен-ную непобѣдимость религіи, тотъ трезво, словами, ды-шащими умственнымъ спокойствіемъ, скажетъ: „Смерть, гдѣ твое жало? Адъ, гдѣ твоя побѣда?“

Др. Прантль. Мнѣ кажется, что вы больше всего

почитаете въ религіи ея находчивость давать отвѣтъ на каждый вопросъ и находить выходъ изъ любого затруднительнаго положенія.

Буриданъ. Я во всякомъ случаѣ не знаю на свѣтѣ ничего болѣе достойнаго сожалѣнія, чѣмъ не вѣрующаго въ Бога дурака!

Др. Прантль. Вы говорите о религіи, какъ биржевой маклеръ о курсовой запискѣ, какъ жокей о скачкахъ! Въ васъ нѣтъ и слѣда христіанской кротости! Религія не дѣло разсудка. Религія—дѣло сердца!..

Буриданъ. Да только для того, который не въ состояніи довести собственную мысль до конца, для котораго умственная, тысячелѣтняя работа чело-вѣчества—книга за семью печатями!

Др. Прантль. Человѣкъ съ нравственными ощущеніями не въ состояніи довести свою мысль до конца! Это невозможно! Къ чему была бы нужна вѣра, если мы можемъ обойтись съ однимъ разсудкомъ? Вы больны такимъ поражающимъ умственнымъ высокомеріемъ, какого я не наблюдалъ даже у самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ на эшафотѣ!

Буриданъ. Беру на себя смѣлость просить васъ успокоиться!

Др. Прантль (*спокойнѣе*). Дѣйствительно, вѣрующій человѣкъ точно такъ же не можетъ говорить о своей вѣрѣ, какъ дѣйствительно цѣломудренная дѣвушка о своей невинности!

Буриданъ (*очень спокойно*). Я нахожу, что вы ошибочно толкуете свое призваніе. Кѣмъ-то дѣйствительно было сказано: „Тамъ, гдѣ кончается разсудокъ—

начинается вѣра“. Я въ этомъ вижу униженіе вѣры. Я нахожу, что нѣтъ мѣста въ гигантскомъ храмѣ нашей вѣры, гдѣ бы разсудокъ отсутствовалъ. Напротивъ, я того мнѣнія, что самая верхушка этого великолѣпнаго зданія состоитъ изъ широчайшаго, навсегда непреодолимаго размаха человѣческаго разсудка. Я нахожу, что каждая колонна, каждый сводъ этого зданія удерживаютъ свое непоколебимое равновѣсіе только благодаря разсудку; только благодаря разуму храмъ этотъ въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ держался при всякой непогодѣ, любомъ землетрясеніи.

Др. Прантль. Отказать мнѣ въ правотѣ, какъ разъ въ этой области,—не совсѣмъ тактично съ вашей стороны. Воззрѣнія, подобныя вашимъ, возникали въ различныя времена и каждый разъ опровергались до основанія. *Однимъ* словомъ я напому вамъ разницу между вашими смѣлыми, головокружительными вычисленіями и тѣмъ всемогуществомъ, съ которымъ вы ихъ смѣшиваете: вѣрите ли вы въ безсмертіе человѣческой души?

Буриданъ. Я серьезно обѣщаю вамъ никогда не нападать на васъ изъ-за такого несогласія въ мнѣніяхъ.

Др. Прантль (*возмущаясь*). Да не воображаете ли вы себѣ, что мы васъ боимся?!

Буриданъ (*боязливо*). Откуда у васъ такое подозрѣніе? Я только осмѣлился намекнуть, что вы никогда не будете меня бояться. Мое внутреннее убѣжденіе слишкомъ свято для меня, чтобы я его могъ открывать человѣку, о которомъ не знаю, такъ ли онъ мыслить, какъ я.

Др. Прантль. Я не нахожу словъ, чтобы выразить, до чего намъ безразлично ваше секретничаніе! Вы ужасно заблуждаетесь, думая, что въ христіанской религіи скрывается какое-то тайное ученіе.

Буриданъ. Предположимъ, что такое ученіе дѣйствительно существуетъ. Развѣ вы увѣрены, что его отъ васъ нельзя было скрыть?

Др. Прантль. Не надѣетесь ли вы такими двусмысленными признаніями вырвать у насъ разрѣшеніе на постановку—„Пандоры“?

Буриданъ. Клянусь всѣмъ, что мнѣ свято, что въ данную минуту вопросъ о „Пандорѣ“ меня не интересуетъ! Разрѣшеніе постановки было мнѣ почти такъ же безразлично и четыре недѣли тому назадъ, когда я былъ у васъ. И когда я выразилъ тогда желаніе вступить въ бракъ съ моею сожительницей, этотъ бракъ меня очень мало интересовалъ, онъ, какъ и постановка „Пандоры“,—были лишь средствомъ для достиженія цѣли! Единственную цѣль, которую я преслѣдовалъ во всемъ, что обсуждалъ съ вами, во всемъ, о чемъ я тогда хлопоталъ, преслѣдовалъ жадно—были вы!

Др. Прантль. Я?!

Буриданъ. Вы! Ваше царство! Тотъ духъ, проповѣдникомъ и поборникомъ котораго являетесь вы! То согласіе, которое я съ ранней юности ищу въ этомъ царствѣ! Тѣ сношенія, которыя я съ дѣтства ищу съ носителями вѣчной правды! Вашъ долгъ—не отталкивать меня. Это долгъ священника! Вы не повѣрите мнѣ, какъ пламенно жаждетъ душа моя царства, въ которомъ вы имѣете завидное счастье работать, бо-

роться! О, сколько бы я далъ, чтобы видѣть васъ на своемъ, себя—на вашемъ мѣстѣ. Я во всякомъ случаѣ могу сказать, не преувеличивая, что не въ состоянїи жить безъ этого царства! Понимайте меня дословно. Все, что въ теченіе тысячи лѣтъ цѣнилось, какъ высочайшее жизненное наслажденіе,—разумѣется, я не говорю о чувственныхъ наслажденїяхъ, объ искусствѣ, о литературѣ,—все это не только не теряетъ для меня всю свою прелесть, но возбуждаетъ во мнѣ острое отвращеніе, какъ только мнѣ на время отказываютъ въ соприкосновенїи души съ закономъ, управляющимъ міромъ. И это состоянїе отражается на мнѣ физически. Я могу умереть съ голоду въ такія минуты, несмотря на все изобилїе средствъ для утоленїя человѣческихъ потребностей. Я пожертвовалъ бы всѣмъ, что мнѣ дорого, если бы зналъ, что эта жертва въ состоянїи примирить меня съ высшимъ, вѣчнымъ, передъ которымъ я преклоняюсь.

Др. Прантль. Я не слѣпой фанатикъ; я за собой не знаю этой вины. Мнѣ знакомо почти безграничное любвеобилїе религіи, я благоговѣю передъ этимъ любвеобилїемъ, какъ передъ самымъ прекраснымъ ея благословенїемъ. Но да сохранить меня мой добрый геній отъ такого ужаснаго проступка, какъ давать своимъ разъясненїямъ религіи любви къ ближнему матеріалъ для рекламы такому закоренѣлому, фанатичному человѣконенавистнику, какимъ являетесь вы въ своихъ произведенїяхъ.

Буриданъ. Я — закоренѣлый человѣконенавистникъ, потому что я описываю неизбѣжныя послѣдствїя человѣческихъ поступковъ!

Др. Пра н т л ь. Нѣтъ, не потому что вы описываете эти послѣдствія, а изъ-за возмутительной радости, которую доставляетъ вамъ безпомощное отчаяніе вашихъ братьевъ! Изъ-за вашей вопіющей безсердечности! И вы еще хотите уговорить насъ идти рука объ руку съ вами?! Божественное призваніе церкви—защищать и охранять жизнь человѣка! Для васъ же высшее наслажденіе—зрѣлище человѣческой гибели! Вы, какъ любострастная зараза, какъ триумфъ зла легли на наше поколѣніе! Погибшія человѣческія жизни служатъ пограничными камнями на вашемъ жизненномъ пути. Развѣ недавно не погибло молодое существо, заглянувшее въ ваши книги? Погибло ужасной смертью!

Буриданъ (*на диванѣ*). Не говорите мнѣ объ этомъ! Ради милосердія Бога, не говорите мнѣ объ этомъ! Это несчастіе было вызвано наслѣдственными недостатками. Беззаботные люди легко умираютъ.

Др. Пра н т л ь. Меня удивляетъ только, что эта жертва не показывается вами въ какой-нибудь трагедіи на сценѣ!

Буриданъ (*встаетъ*). Если меня удовлетворяетъ описаніе несчастья, то я достаточно дѣлалъ и для того, чтобы оживить радости жизни во всемъ ихъ первобытномъ великолѣпіи и красотѣ! Въ томъ моя гордость, что даже самое невѣроятное злосчастье не толкнуло меня въ ряды пессимистовъ. Удѣлите мнѣ еще одну минуту, господинъ докторъ! Въ моемъ умѣ грандіозные планы. Я никогда не хвастаюсь проектами. Но для своей защиты я вамъ долженъ открыть всѣ тайники

моей души. Съ ранней юности я работаю надъ тѣмъ, чтобы примирить преклоненіе передъ физической красотой съ почитаніемъ вѣчныхъ міровыхъ законовъ. Ихъ красота не радуется насъ. Законы физической красоты мы не уважаемъ. Возсоединить святость и красоту—это цѣль, ради которой я приношу въ жертву свою жизнь, цѣль, къ которой я стремлюсь съ дѣтства.

Др. Прантль. Вы въ любой церкви найдете святость и красоту въ сердечномъ объединеніи. Ваши слова вызываютъ ужасъ. Въ зрѣлищѣ цирка, въ пляскѣ на канатѣ, въ самыхъ глубокихъ извилинахъ разврата вы видите красоту! На алтарѣ прославляемой вами красоты вы закалываете дѣтей, съ которыми раньше вели свою преступную игру!

Буриданъ. Этотъ упрекъ ни на чемъ не основанъ! Я не знаю на свѣтѣ болѣе святого обладанія, какъ обладаніе дорогими людьми. Такъ же, какъ я не могу признать божества выше чѣмъ могучее развитіе даннаго намъ разсудка, уже по той простой причинѣ, что благороднѣйшее послѣдствіе его—*человѣческая доброта*, между тѣмъ, какъ вы съ вашей сердечной добротой никогда не добьетесь *разсудка*.

Др. Прантль (*улыбаясь*). Но ваша человѣческая доброта никогда бы не помѣшала вашему разсудку написать пьесу о томъ несчастномъ существѣ, которое только что погибло подъ вашими ногами! Весь ужасъ вашихъ представленій и заключается въ ихъ жизненности, въ ихъ живой дѣйствительности! Вмѣсто игры у васъ несчастные случаи! Если человѣкъ умеръ у васъ, то и въ дѣйствительности кончилась одна чело-

вѣческая жизнь! У васъ нѣтъ слѣда умственной доброты! Мы сидимъ и смотримъ, какъ царственный Римъ когда-то смотрѣлъ гладиаторовъ, смотрѣлъ на преслѣдованіе христіанъ! Травля дикихъ звѣрей—это кульминаціонный путь того, что вы называете искусствомъ! Ваше искусство—ужаснѣйшее богохульство, которое избрѣлъ человѣческій умъ за сотни тысячъ лѣтъ!

Буриданъ (*въ креслѣ*). Богохульство! Полжизни я провель безъ искусства,—безъ религіи я минуты не могъ бы жить!

Др. Прантль. Развѣ не вамъ принадлежитъ мысль о соединеніи въ будущемъ социалистическомъ государствѣ домовъ терпимости съ церковью? Это ли не богохульство?!

Буриданъ. Докторъ, я этого не говорилъ! (*вскакиваетъ*) Этого я никогда не писалъ! Никогда, никогда! Какъ бы мнѣ это вамъ скорѣе доказать?! Прикажите прочесть отъ доски до доски всѣ мои сочиненія. Вы нигдѣ не найдете этихъ словъ. Не найти вамъ и свидѣтеля, который бы могъ удостовѣрить, что слышалъ это отъ меня! Это выдумка рецензентовъ, одна изъ тѣхъ гнустныхъ выдумокъ, посредствомъ которой меня хотятъ на нѣсколько лѣтъ посадить въ тюрьму. Насколько я болѣе страстно, съ большимъ уваженіемъ отношусь къ столкновенію между силой мысли и свѣтскими удовольствіями вы можете увидѣть изъ моего „Руководства къ преодоленію страха смерти“ (*онъ беретъ книгу съ полки, открываетъ и подаетъ д-ру Прантля*). Я убѣдительнѣйше прошу, Ваше Преосвященство, прочесть лишь первыя десять страницъ „Руководства“.

Др. Прантль (*читаетъ громко, медленно, внимательно*).

Страхъ смерти это ошибка мышленія.—

Многія болѣзни причиняють большую боль, чѣмъ смерть.—

Всякая болѣзнь причиняетъ большую боль, чѣмъ смерть.—

Намъ слѣдуетъ лишь бояться быть рожденными!—

Каждый приносить съ собою на свѣтъ своего злѣйшаго врага.—

Полжизни мы теряемъ въ борьбѣ съ нимъ; наши раны зіяютъ и когда мы наконецъ рассчитываемъ на побѣду, тогда.. (*Въ это время Кадидья, одѣтая въ любой фантастическій костюмъ, входитъ черезъ боковую дверь. Она выдвигаетъ изъ-за ширмъ барабанъ, вскакиваетъ на него и катитъ его впередъ ногами. Она боится упасть и при словѣ „тогда“ на мгновеніе облокачивается на плечо доктора Прантля*).

Кадидья. О, простите!

Др. Прантль (*обернулся, удивленный, хватается за сердце, но быстро овладѣваетъ собой и смотритъ на Кадидью со спокойной улыбкой*).

Кадидья (*она катитъ барабанъ на нѣсколько шаговъ обратно*). Простите, что я васъ напугала.

Др. Прантль (*улыбаясь кладетъ книгу въ сторону*). Вотъ онъ—врагъ! Искуситель! Змѣя рая! (*Буридану*): Неужели вы и теперь станете утверждать, что та мысль не принадлежала вамъ? (*осматриваетъ Кадидью*) Какъ кстати это появленіе!..—Не бойтесь, дитя мое! Я не хочу васъ унижать. Я тутъ имѣю дѣло съ господиномъ, который попытался разыграть здѣсь комедію стремленія на лоно церкви, въ надеждѣ, что мы ему тогда разрѣшимъ постановку на сценѣ—

сомнительныхъ пьесъ. (*Буридану, очень спокойно*):
Нечего дѣлать, вамъ придется убѣдиться, что мы не
согласны на такой странный обмѣнъ. Мы не подда-
емся обману. Менѣе всего насъ можно провести вол-
шебными фокусами, которые изобрѣло ваше средне-
вѣковое пониманіе людей, чтобы возбудить въ поклон-
никахъ вашихъ преступныхъ занятій самыя низменныя
желанія.

Буриданъ. Я убѣдительнѣйше прошу о снисхо-
жденіи, Ваше Преосвященство. Если вамъ только
угодно меня выслушать, я въ двухъ словахъ объ-
ясню неожиданный перерывъ нашего разговора

Кади дья. Я вамъ мѣшаю?

Др. Прантль. Оставайтесь, дитя мое. (*Буридану*):
Вы называете это неожиданнымъ перерывомъ? Брось-
те же, наконецъ, это комедіанство. Это волшеб-
ное, сказочное привидѣніе положило свои бѣлыя руки
на мое плечо, какъ разъ въ ту минуту, когда я въ
вашей книгѣ прочелъ необходимое заклинательное из-
реченіе! (*разсматриваетъ Кади дью*). Такъ значитъ,
вы для этой встрѣчи пригласили меня сюда!—(*качаетъ
головой*). Для осуществленія вашихъ плановъ я со-
всѣмъ, совсѣмъ не гожусь.

Буриданъ. Мнѣ приходится терпѣливо выслуши-
вать ваши насмѣшки.

Др. Прантль (*до конца спокойно*). Я настолько
же не думалъ насмѣхаться надъ вами, какъ мнѣ ни-
когда и не взбредетъ въ умъ васъ серьезно выслушивать.
Вы глумитесь надъ каждымъ, кто васъ серьезно слу-
шаетъ. А первому, кто васъ подниметъ на смѣхъ вы

готовы разможить голову! Быть может вы знаете заповѣдь: „Не искушай Бога“! Вы еще разъ убѣдитесь, что ни одинъ смертный, какъ бы самодержавенъ онъ ни былъ, не можетъ безнаказанно искушать Всевышняго. (*Уходитъ*).

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Кади́дя (*все еще на барабанъ*). Что ему было нужно?

Бурида́нъ (*на диванъ*). Этотъ господинъ хотѣлъ со мною распротиться на всегда. (*Онъ поднимаетъ лежащую на полу книгу и перелистываетъ ее*).

Кади́дя. Тебя разлука кажется очень огорчаетъ. Со мной ты бы простился легче. Помнишь безконечный рядъ гробовъ, который ты чертилъ въ своей записной книжкѣ?

Бурида́нъ (*не глядя на нее*). Да, я помню гробы.

Кади́дя. На каждомъ изъ нихъ ты написалъ: „Наконецъ-то я одинъ“!

Бурида́нъ. Наконецъ-то я одинъ.

Кади́дя. А если бы я дѣйствительно захотѣла покинуть тебя?

Бурида́нъ. Ты не вѣришь, какъ страстно моя душа жаждетъ того царства!

Кади́дя. Собственно тѣ слова сказаны о двоихъ, которые наконецъ остались вдвоемъ въ своей спальнѣ новобрачныхъ?

Буриданъ *(не глядя на нее)*. Для нихъ эти слова пожалуй еще разъ измѣнять свое значеніе.

Каидья. Ты не хочешь взглянуть на меня?— *(Буриданъ не отвѣчаетъ)* Я стою на твоёмъ барабанѣ.—Я стою передъ тобой въ костюмѣ, который одѣну завтра вечеромъ для „свадебнаго балета“.

Буриданъ. Я напрасно ищу подходящихъ словъ, чтобы выразить мое равнодушіе къ спектаклю.

Каидья. Бѣдный Буриданъ! *(спрыгиваетъ съ барабана)* Что можетъ еще радовать тебя, если даже представленіе твоей пьесы не доставляетъ тебѣ удовольствія! *(садится къ нему на колѣни)* Не пугайся, прошу тебя! Я пришла только проститься съ тобой. Въ одномъ ты долженъ со мной согласиться; жаль, если я надоѣдаю мужчинѣ.—Итакъ,—снова въ бушующее море, гдѣ ты восемнадцать мѣсяцевъ тому назадъ нашель меня, гдѣ только силой да своими преимуществами и можно удержаться на поверхности воды! У тебя же я могу удержаться на водѣ только благодаря своимъ недостаткамъ, если таковые у меня имѣются!

Буриданъ. Я давно уже ношусь съ идеей учредить домъ терпимости, какъ нравственное воспитательное учрежденіе. Домъ, въ которомъ воспитанниковъ въ теченіи многихъ лѣтъ осыпали бы до усталости радостями, такъ чтобы они, наконецъ, видѣли высшее наслажденіе въ томъ, что мы называемъ неприятностями и заботами.

Каидья *(близъ него, на колѣняхъ усаживается на диванъ)*. Миѣ кажется ты ниспосланъ небомъ, что-

бы будить въ людяхъ отвращеніе къ лучшему, что есть въ жизни.

Буриданъ. Ты не понимаешь, какъ человѣкъ самъ себя противѣтъ, если онъ пьетъ, кушаетъ и любитъ только ради самого себя.

Кадидя. Неужели радость не была бы въ состояніи преодолѣть отвращеніе?

Буриданъ. Почему дикіе звѣри не любятъ въ клѣткѣ? Потому что у нихъ нѣтъ свободы гнаться за своей добычей!

Кадидя. У меня нѣтъ свободы, но все же я люблю.

Буриданъ. Любовь твоя такъ же свободна, какъ мое желаніе работать заковано въ цѣпи! Что я! Что я!

Кадидя. Ну что же? *(подходитъ къ зеркалу)*. Ты такъ долго ищешь подходящее названіе? Ты очевидно опять не въ состояніи взглянуть въ глаза дѣйствительности.

Буриданъ. Животное!

Кадидя *(любуясь своимъ отраженіемъ)*. А я, говорятъ, ангель!

Буриданъ. Животное!

Кадидя *(цѣлуетъ свое отраженіе)*. Я слишкомъ хороша для ангела!

Буриданъ. Животное!

Кадидя. Но необыкновенное, рѣдкое животное!

Буриданъ *(вскакиваетъ)*. Кадидя! Выставляй свое тѣло, какъ хочешь, но не забудь, что этому должны соответствовать и высшія человѣческія достоинства!

Кади́дя. А у меня этого нѣтъ?

Бурида́нъ (*ставитъ барабанъ шкурой внизъ*)
Встань на этотъ пьедесталь! Я буду твоимъ цензоромъ!

Кади́дя. Ты хочешь быть моимъ цензоромъ?—
Но я не трагедія!

Бурида́нъ. Моя цензура надъ тобой не будетъ строже той, которая тяготѣла надо мной каждый день, каждый часъ моей жизни. Дастъ Богъ, ты найдешь мою цензуру такой же своевольной, несправедливой, какъ я нахожу цензуру моихъ цензоровъ.

Кади́дя (*стала на барабанъ*). Говори! Прошу тебя!

Бурида́нъ. Кади́дя! Когда ты ходишь по улицѣ, цензоръ настаиваетъ на томъ, чтобы ты носила длинное платье. Тебѣ ничего не угрожаетъ. И потому онъ запрещаетъ тебѣ угрожать жизни другихъ. Но когда ты, наѣздницей мчишься по цирку высоко на лошади и не сорвешься съ сѣдла, не переломавъ всѣ кости, тогда цензоръ охотно разрѣшаетъ тебѣ вліять всѣми прелестями твоего тѣла. И если бы ты плясала на канатѣ, протянутомъ отъ одной башни къ другой, ни одинъ цензоръ не коснулся бы вопроса о твоёмъ одѣяніи. Тогда ты можешь покрыть свое голое тѣло паутиной. Ибо знаютъ, что невѣрный шагъ и ты превратишься въ нѣчто отвратительное, неузнаваемое, что потомъ сметутъ въ канаву.

Кади́дя (*улыбаясь*). А что, другіе цензоры такіе же усердные разрушители картинъ, какъ ты?

Бурида́нъ. Кади́дя! Въ Палермо я когда-то

видѣлъ плясунью на канатѣ. Но она плясала на *эла-
стичномъ* канатѣ. Внизу подъ канатомъ лежала
четырехугольная доска съ торчащими въ верхъ длин-
ными блестящими ножами. Танцуя надъ ножами, дѣ-
вушка раздѣлась, кружась направо и налево. Потомъ
раскачала канатъ, стала на колѣни, сильнѣе и силь-
нѣе раскачивая его своимъ тѣломъ такъ, что онъ на-
конецъ стоналъ подъ ней, какъ натянутая струна. И
когда канатъ снова вернулся въ прежнее положеніе
она вскочила на ноги, три раза перекувырнулась въ
воздухъ и стала какъ ни въ чемъ не бывало, спокойно
улыбаясь, надъ блестящими сталью ножами на эластич-
номъ канатѣ, стала, какъ ты сейчасъ стоишь передъ
мною.

Кади дья. Ну и? что же?— Ты серьезно думаешь,
что я могу быть недостойной этого свадебнаго наряда?

Буриданъ (*задыхаясь, говоритъ съ закрытыми
глазами*). Послѣ этого она велѣла подать себѣ длин-
ную мантилю, закуталась до пятокъ, дошла до конца
каната съ закрытыми глазами, спустилась и исчезла
за занавѣсью. (*теряя самообладаніе*) Кади дья! твое
щегольство для меня мученіе! надѣнь платье реформъ.
Я жажду безвкусыя, жажду безконечной душевной глу-
бины, въ которую я бы могъ спрятаться отъ всего,
что чувственно! Неужели въ тебѣ нѣтъ жалости къ
себѣ, вѣдь все это великолѣпіе дѣйствуетъ не боль-
ше, чѣмъ развѣвающийся на трости цвѣтной платокъ?!

Кади дья (*очень спокойно*). Развѣ я создала себя
сама?

Буриданъ. Я создалъ тебя, какъ хотѣлъ, и пере-
создамъ, какъ хочу!

Каидья (*очень спокойно*). Не тронь меня!

Буриданъ (*пытается ее схватить*). Лишь безобразное я хочу видѣть! Безобразное! Одно безобразное!

Каидья (*вырываясь*). Я не позволю изнасиловать себя! (*Быстро выдвѣгаетъ на балконъ и становится спиной къ периламъ*).

Буриданъ (*кричитъ*). Каидья!

Каидья (*сѣла на перила и перекидываетъ одну ногу*). Если ты приблизишься хоть на одинъ шагъ, я брошусь внизъ!

Буриданъ. Я пришелъ въ себя, Каидья. Это былъ припадокъ безумія. Я забылъ на мгновение, кто ты.

Каидья (*стоитъ на перилахъ*). Ни шагу—или я буду лежать внизу!

Буриданъ (*визжитъ*). Вернись, Каидья! вернись же!

Каидья. Ты же не любишь меня, а я... я безъ тебя жить не могу.

Буриданъ. Приди ко мнѣ! Какъ могу, я не любить тебя! Всю жизнь я буду твоимъ рабомъ!

Каидья (*спустилась извнѣ и держится руками за перила*). Ни шагу! Я поссорила тебя съ міромъ твоихъ мыслей; и я верну тебѣ этотъ міръ. (*Буриданъ хочетъ броситься къ ней. Замѣтивъ это, она откидывается назадъ, отпустивъ правую руку*). Еще одинъ шагъ и я отпущу перила!

Буриданъ (*воетъ*). Моя дорогая, возлюбленная! Моя Каидья! Останься же! Останься! Все, все твое!

Каидья (*опустилась, такъ что видна надъ пе-*

рилами одна голова ея). Я возвращаю тебѣ твою свободу! Не подходи, счастливый Буриданъ! Или ты—убійца! (голова исчезаетъ. Видны только руки, которыми она держится).

Буриданъ (на колѣняхъ, ломаетъ себѣ руки и молится, не глядя на балконъ). Господи, Господи! Владыко неба и земли! Помоги намъ! Помоги намъ! Помоги! Если она упадетъ, погибла человѣческая жизнь! Какая жизнь!—Я насмѣхался! Господи, Боже мой; неужели же это мечь?! Будь же милосердъ, Господи! Взыщи съ меня! Просвѣти ее! Ты одинъ еще можешь помочь! Приведи ее обратно! Я стану служить тебѣ и всю жизнь буду прославлять тебя! Помоги моей бѣдной Кадидьѣ! Спаси ее! Я ее измучилъ! Я не знаю, что дѣлалъ съ нею! Она чудное созданіе, лучшая душа, что создана Тобой!..

Кадидья (еще разъ поднимаетъ голову надъ перилами). Кланяться ли отъ тебя покойной сестрѣ Шарольтѣ?.. (Она откидываетъ руки и исчезаетъ).

Буриданъ (онъ ничего не видѣлъ). О! о! Ея голосъ! Господи, Боже! Я молю тебя! Подбѣжать ли мнѣ?! Успѣю ли я схватить ея руку?!—Кадидья!—Любовь моя!—(онъ слушаетъ, потомъ кричитъ, задыхаясь). Кадидья!.. Кадидья!.. (Пауза. Онъ корчится въ судорогахъ). Онъ не позволяетъ глумиться надъ собой! Онъ не позволяетъ искушать себя!—О, Боже!—О, Боже! какъ ты непостижимъ!..

